

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ...

Российская премьера фильма Отара Иоселиани прошла в рамках фестиваля лауреатов премии «Триумф»

Независимая газета, — 2000, — 15 янв. — с. 7
Елена Стишова

ПОКУДА новый фильм Отара Иоселиани дрейфовал из Франции к нашему берегу, его оригинальное название, будучи непереводимой игрой слов, превратилось в звучную формулу *In vino veritas!* с пояснением в скобках для непосвященных: «Истина в вине!»

Доброе вино, драгоценный мотив кинематографа Иоселиани, укорененный в античной прамифологии Грузии, был универсальным тестом на нравственность в «Листопаде», его раннем шедевре. Для героя-романтика мистерия вина, его приготовления, хранения, разлива и дегустации была эквивалентом народной морали и традиции. Старомодное ныне понятие — «нравственность», незаметно выпавшее из словоупотребления, никак не примерить ни к новой картине, ни к той реальности, что в ней предьявлена. Скептик и циник — герой из нового фильма, обломок старинного рода, пользуется вином из фамильных погребов как верный способ ухода в иллюзорный мир вечного кайфа. Схваченные обручами дубовые бочки не в обхват да неукоснительное правило охлаждать бутылки с вином, спустив их в специально вырытый колодец, — вот, пожалуй, и все, что осталось в родовом замке от вековых устоев. Замок — это скорее декорация, обитатели которой все еще пытаются играть по правилам классицизма: барышни в костюмах для верховой езды совершают конную прогулку, пожилая домоправительница в крахмальном переднике надзирает за порядком, слуга с физиономией доброго дебила кормит стаю породистых псов, а отец семейства с собакой отправляется как бы на охоту, прихватив бутылочку белого и засунув в карман куртки хрустальный бокал. Охотой называется стрельба влет по мишеням, которые кидает вверх тот же дебил, а собака притаскивает их, будто подбитую дичь, к ногам хозяина.

Сходство с декорацией довершает сын героя, Николас (Нико Тариелашвили), тайно покидая замок через заросшую вьюном ограду. Выйдя из утомительной домашней мизансцены, он переодевается из элегантной пары в затрапезные джинсы и кроссовки. И растворяется в городской толпе. Его уже не отличить от шпаны, привороживающей, что плохо лежит. После дурдома домашних приемов с уродом пеликаном, для пушечного эффек-

та взлетающим на плечо маменьки, голосящей Моцарта, немудреная уличная жизнь утоляет его тоску по нормальности. Наследник по прямой французских аристократов постигает науку жизни, шастая по забегаловкам и примеряя на себя роли то мойщика посуды, то грузчика, то влюбленного. А в это время его стремительно деловая и сексуально озабоченная *tatam* (Лили Лавина) умножает благосостояние семьи, летая туда-сюда на персональном вертолете.

Однако главным героем

полу, разве что у ханжей может вызвать моральное осуждение. Он так изысканно артистичен, так стилистически целостен в своей монструозности, что его образ вызывает эстетический восторг, который трудно отделить от сочувствия герою. Особенно в финале, когда он, такой безнадежно одинокий, обретает брата по духу в клошаре, случайно попавшем в дом. В момент очередного светского приема у жены оба удирают из замка на моторке, и вот уже белеет парус одинокий, снятый с очень высокой точки (оператор Виль-

ное французско-грузинское двуголосие, оглашающее окрестности вдоль фарватера кораблика, не снимает ощущения безнадежности и исчерпанности. Да, собственно, Автор не очень-то его и скрывает. После каскада фабульных сплетений, где разнонаправленные векторы сюжета то пересекаются, то расходятся, чтобы ближе к финалу собраться в узел и развязаться окончательно, следует недвусмысленный эпилог. Инфант Николас выходит из тюрьмы, где отсидел не меньше года за попытку ограбления кассы, но перед тем, как отправиться домой, решает навестить любимых места. Однако тот прозрачно-хрустальный мир, который он оставил здесь так недавно, притягательный и искрящийся, бесследно исчез. Он не находит знакомого клошара у памятника французскому солдату, и старик ветеринар съехал вместе с проказливым внуком. Владелец церковной лавки, взорвавший свою жену, пустив газ на кухню, прислуживает африканке, везя за ней на тележке два унитаза, а девушка, в которую он был романтически влюблен, вышла за простецкого парня и успела родить. Груба жизнь...

Жизнь и впрямь груба, но не в том урок фильма, не в том его философия, что после отсидки у симпатичного оболтуса Николаса поменялось мироощущение. Оно поменялось у Автора. Мы наблюдали, как эволюционировал его уникальный авторский мир. Как лирическое пространство искрилось иронией, мерцало сарказмом, набухало скепсисом, и цинизм его атаковал — куда ж деваться. Но, рассказывая свои истории, Автор всегда сохранял зазор между собой и своими персонажами. И в этом был стоицизм, было сопротивление. Всегда оставалась возможность другой жизни — хотя бы как духовный проект. Мол, как ни груба действительность, но всегда есть выбор — жить по нравственному закону, поверх предлагаемых и навязываемых обстоятельств или приспособиться к ним. И вдруг — будто снизился накал в электросети. Поблек авторский мир Иоселиани. Его энергетика уже не та, что прежде. Мне показалось, что он сам это понимает. И борется испытанным способом, пытаясь превратить недостатки в достоинства. Не оттого ли в картине так много дождя и так мало солнца? Так бесконечно безнадежно вьется сюжет, содрогаясь всем длинным телом, будто поезд в момент торможения? И так одинок далекий парус, будто нарисованный на холсте?

Люди и птица.
Кадр из фильма Отара Иоселиани

фильма, как всегда у зрелого Иоселиани, становятся не персонажи, как бы ни были они колоритны, но сам Автор. В этом фильме, правда, карты спутаны. Отца играет сам режиссер, провоцируя принять этого персонажа как его alter ego. Тут легко купиться. Во-первых, актерская работа выше всяких похвал. Во-вторых, старый ловелас, ушедший в сладостный запой в своей комнате с незастеленной кроватью, с портретами обнаженных красоток по стенам и с игрушечной железной дорогой на

ям Любчанский). Какое сердце не дрогнет умиленно и печально, глядя на сказочной красоты картинку!

Но — странное дело. В «Певчем дрозде», где героя насмерть сбивала машина и после него оставался лишь вбитый им в стенку гвоздь, годящийся разве на то, чтобы повесить кепку, все-таки был катарсис. Была мысль об абсолютной ценности человеческой жизни как таковой. После *In vino veritas!* остается чувство усталости. И иллюзорности финала. И даже див-